

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4:323.2

ББК 60.524.2

А 94

Т.И. Афасижев,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и философии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: +79182264043, e-mail: afasizhev@list.ru

К.М. Гожев,

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления и политологии Карачаево-Черкесского государственного университета, г. Карачаевск, тел.: +79289254615, e-mail: gozhevsk@rambler.ru

О ФЕНОМЕНЕ ДЕСТРУКТИВНОЙ АКТИВНОСТИ

(Рецензирована)

Аннотация. В статье представлена рефлексия о деструктивных процессах, приобретающих «активность» по разным причинам, трансформирующихся в негативные феномены социальной среды.

Ключевые слова: деструкция, активизм, насилие, экстремизм, этноконфликт.

T.I. Afasizhev,

Doctor of Sociology, Professor of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University, Maikop, ph.: +79182264043, e-mail: afasizhev@list.ru

K.M. Gozhev,

Doctor of Philosophy, Professor of Department of the Public and Municipal Administration and Political Science, Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, ph.: +79289254615, e-mail: gozhevsk@rambler.ru

ON DESTRUCTIVE ACTIVITY PHENOMENON

Abstract. The paper presents the reflection about the destructive processes gaining “activity” for various reasons and being transformed to negative phenomena of the social environment.

Keywords: destruction, activism, violence, extremism, ethnoconflict.

Обращение к данной проблеме задано острой противоречивостью современной реальности, принципиальной необходимостью влиянием на формирование стабилизирующих и деструктивных тенденций. Неясность политических действий и отсутствие отчётливых исторических перспектив порождает

на уровне мировоззренческого и социально-психологического восприятия жизни потребностей в представлении отчётливых и полнокровных образов мира, социального поведения и действия. Между тем, корректирующие стратегии социального поведения могут быть выстроены в общем

интеркультуральном диалогическом пространстве. Выявление сущности научной проблемы требует уточнения понятий, которые выступают как бы «свёрнутой теорией». Наука имеет возможность и потенциацию представить как логику понятий, раскрывающую закономерности тех или иных явлений.

В контексте общей проблемы выберем слова «деструкция, деструктивность» в контексте с термином «активность» и отрефлексируем дискурсивное словосочетание «деструктивный активизм». Под деструктивностью (лат. *destructivus* – «разрушительный», «неплодотворный») в широком смысле слова предлагаем понимать искажение, разрушение фундаментальных данностей жизненного мира с её практиками повседневности, а также нарушение нормальной структуры чего-нибудь. Причём это не просто естественный процесс распада чего-то, а насильственный процесс уничтожения объекта или системы.

Обращение к данной проблеме вызвано тем, что в наше время сверхинформированности, сверхзнаний, небывалых научных достижений и успехов в развитии высоких технологий конфликтогенный потенциал человеческого сообщества не только не уменьшается, но и резко возрастает. Ещё в текстах Ветхого Завета насилие рассматривается как отрицательное, жизнеразрушительное начало. Народ Израиля осуждает агрессию извне и не призывает к ответным действиям. Однако в культурах того времени, на протяжении тысячи лет до нашей эры, господствует принцип, который называется талионом, или принципом воздающей справедливости, и звучит он, согласно библейскому принципу, как: «Мне отмщение и Аз воздам» или «Жизнь за жизнь, око за око, зуб за зуб, ущерб за ущерб» и т.д. [1].

Но уже XX век по количеству человеческих жертв, брошенных в топку истории, является абсолютным

лидером, самым кровавым столетием в жизни человечества. Только в Европе в войнах погибнет около 100 млн человек (для сравнения: в XVII в. – 3 млн, в XVIII в. – 5 млн, в XIX в. – около 11 млн человек). Уровень деструкционного насилия в XX веке соответствует или даже обгоняет общую тенденцию ускорения темпов движения общества. Рост этот в прошедшую эпоху становится доминирующей тенденцией мирового развития, значительно теснящий на задний план стремление к утверждению принципов ненасильственного мира. И дело здесь не только в прямых военных столкновениях. Даже в XXI в. люди не научатся предотвращать насилие и в других, самых разнообразных его формах и проявлениях, особенно в международном масштабе, заявляя всё новые кровавые и циничные действия нацизма и фашизма на юго-востоке Украины, порождённые киевским майданом и продолжаемые кликой страны уже в качестве государственного террора.

Всепроникающими формами насилия являются преступность, возрастающая с 80-х годов ежегодно на 5%, и терроризм, приобретший с конца XX в. статус новой и весьма опасной глобальной проблемы. Вообще к началу третьего тысячелетия многие человеческие действия, особенно в их личностном и общественно-политическом проявлении, приобретают неконтролируемый и, вместе с тем, изощренно антигуманный характер. Причём экспансия насилия идет в ногу с экспансией потребительской идеологии и психологии. Вирус потребительства, возвращенный в Европе, теперь распространяется по всей планете. В этом смысле весь современный мир стал «Европой» – инструментально-рациональной системой насилия над природой и социальной средой, нацеленной на получение максимально «полезного эффекта» (прибыли) любыми средствами.

Несмотря на усиление общемировых связей в технологической и экономической областях (то, что обычно называют «глобализацией»), современный мир вступает в полосу глобального беспорядка, в ситуацию нарастающих рисков и новой хаотизации. Ввиду того, что глобализация неолиберального капитализма несет с собой подчинения большинства меньшинству, она ведет, тем самым, к неизбежным конфликтам – локальным, региональным, даже планетарным, приносит в международные отношения потенциальное «структурное насилие» (И. Галтунг). Можно даже сказать, что новый мировой порядок становится порядком хаотизации мира, глобализацией страха и насилия. Судя по всему, теперешний наш мир будет миром новой неизвестности, глобальных войн и глобальных катастроф. Всё это, к сожалению, позволяет говорить о патологизации современности, явно обнаруживших себя в ней чертах патологичности [2].

Активность же (лат. *actives* – «деятельный») есть самодвижение системы, направленное на обладание предметами внешнего мира, обеспечивающее её сохранение и развитие. Таким образом, между понятиями «активность» и «деструкция» с их составляющими отметим диалектическую связь, позволяющую характеризовать степень проявления деструкции или оценивать вектор активности.

Активизм, уже как философскую категорию, правомерно характеризовать и как стратегию наступательного поведения личности, которая стремится изменить себя и окружающий мир. Это взгляд, согласно которому сущность человека заключается всё-таки не в созерцании, а в деятельном преобразовании внешнего мира. Активизм необходимо признать и моральным требованием, заключающимся в том, что нужно всегда переходить от наблюдения к делу, от теории

к практике (Кант, Ницше и др.) Можно говорить и о том, что активизм характерен для человека фаустовской культуры, стремящейся к безграничному познанию, на основе которого становится возможным освоение природы. Активизм – это не только бесконечное расширение границы познания, но, повторимся, он есть и настойчивая, цельная действительная деятельность человека.

В современном языке активность обычно определяется как такое качество поведения, которое даёт некий видимый результат. Активными могут быть фермеры, возделывающие свои земли; торговцы на рынке; даже чиновники, подшивающие всякие циркуляры, всевозможные бумаги и пр. И хотя различные виды деятельности могут требовать разной степени заинтересованности и усилий, с точки зрения «активности» это не имеет значения. Речь о том, что может быть отчуждённый вид активности, когда действие совершается над человеком внешними или внутренними силами, которые как бы приказывают ему, когда он просто занят пусть даже важной работой.

Напротив, возможна и неотчуждённая активность, когда человек ощущает себя субъектом своей деятельности, когда активность есть проявление его потенций, когда он и его деятельность едины. Немецко-американский философ, психолог и социолог Эрих Фромм, например, активность считает социально признанным, целенаправленным поведением, результатом которого являются соответствующие социально полезные изменения. В своей книге «Бегство от свободы» неотчуждённую активность он сначала называет спонтанной активностью, а в более поздних работах этот вид деятельности обозначает уже термином «продуктивная активность», раскрывая смысловую и идеологическую.

Смысл этого термина – не в способности создавать что-то новое

или оригинальное, допустим, художником или учёным, так как картина и научный трактат могут быть вовсе непродуктивными, бесплодными. Смысл – в том процессе, который происходит в людях с глубоким самосознанием, когда они видят какой-то предмет, а не просто смотрят; когда, декламируя прозу или поэзию, вникают в мысли и чувства их автора. Да, они не «производят» ничего «полезного», однако для Фромма как бы продуктивен сам процесс. По нему, «... продуктивные личности оживляют всё, чего бы они ни коснулись. Они реализуют свои собственные способности и вселяют жизнь в других людей и в вещи» [3].

В рамках парадигм двадцатого века всё больше внимания станет уделяться общественностью именно разрушительным последствиям человеческой деятельности. Начало такому подходу положат взгляды К. Маркса, Ф. Ницше и З. Фрейда. Последний из них при исследовании инстинктов человека и создании на этой основе его известной теории потенцирует ведущую роль любви и деструктивности. Однако он не учтёт монистическую точку зрения, поскольку деструктивность, равно как и любовь, в преимущественной своей выраженности есть тенденция к контролю и обладанию (за исключением мирного аспекта сдерживания). Обе эти тенденции противоположны любви, сотрудничеству, освобождению, которые создают при этом самостоятельный синдром.

Однако в «обладании» и «контроле» не содержится истинная суть деструктивности, тяги к разрушению, враждебности к жизни. Большой частью и потому научная концепция великого психоаналитика, по мнению части мыслителей, не состоится.

Развитие социального бытия в прошлом было связано не столько с пересмотром или развитием старых ценностей и идеалов, сколько

с их отрицанием и крушением, но и двадцатое, и двадцать первое столетия не прибавили оптимизма для миллионов людей, над головами которых постоянно висит «Дамоклов меч» голода, нищеты и разрухи. Человеческий разум пытается найти ответы на сложности своей судьбы, разобраться в самом человеке. К проблеме деструктивной активности обращаются философы разных направлений, о ней толкуют психологи, культурологи, социологи, политики. Важным направлением в философском плане является анализ фундаментальных причин, истоков разрушения. В нравственном плане это звучит как поиск социального зла.

Многим казалось и продолжает казаться, что разум человека всемогущ. И действительно, опираясь на науку как высшую форму рациональности, человечество многое достигает. Но наряду с фантастическими достижениями науки и техники, человечество, повторюсь, не становится совершеннее, гуманнее, нравственнее; оно никак не погасит в себе огонь экстремизма, агрессии, терроризма, геноцида.

В морально-нравственном отношении люди становятся всё циничнее, безжалостнее, изобретая и применяя чудовищные средства уничтожения флоры и фауны и таких же братьев по виду. Оправданная «техническим» разумом жизнь оправдана вне морали. Сознание, совесть и ответственность как факторы личностного поведения требуют именно личных усилий понимания и осмысления действительности, реализуют личную экзистенцию человека.

Технократическим стилем негоже руководить живыми людьми. Речь идёт о жизнедеятельности человека, заполняющего активное бытие ещё духовностью и чувствами, нельзя людей равнодушно вживлять в пассивное и бездушное пространство. Речь идет о том, что в основе технократизма лежит примат

частно-прагматической цели над смыслом, функциональный подход к социальному сообществу и личности, недооценка и пренебрежение его человеческим фактором, менталитетом – это некая степень деструкции. Полем деятельности технократического подхода является не история, положение и судьба, а их жёсткая регламентация и стагнация, не идея, обращённая к сознанию, совести и справедливости, а искусство и техника менеджмента, позволяющие эффективно манипулировать ими.

Для технократа-чиновника человек и его проблемы – это не личность и не боль за чувство этносоциального и иного достоинства, а обучаемый и программируемый компонент для производства; он есть средство, а не цель. Технократы ставят знак равенства между социокультурными, духовными и чисто техническими процессами, они переносят закономерности функционирования технических систем на социальную жизнь жителей поселений. Преступно телом администрирования теснить тела не просто этнические, но даже человеческие, тем более, волей загонять их активные и надеющиеся души в потаённые глубины подсознания.

«Технический» разум технократически тоже бессовестен; он способен объяснить, что угодно, в каких угодно целях. Разум не только бессовестен, но и внеличностен, стремится к обезличиванию знаний, изживанию из них субъективных деталей, страстей, интересов. Думается, дан он человеку единственно для того, чтобы встроиться в качестве средства «винтика» в некую целевую программу замысла высшего субъекта. Не потому ли: «Ум – подлец, – поразмыслит Ф. Достоевский, – потому что “виляет”».

В особенности деструктивные процессы с помощью рационалистического активизма обостряются в этноконфликтной ситуации и трансформируются в агрессивность.

Упомянутый выше феномен агрессивности, как считают многие психологи и философы, становится нормой нашей жизни, приобретает широкий размах, глубину и новые формы своего проявления. В чём же причина деструктивной активности? Вот главная проблема современности. Причин, естественно, несколько. Первый ответ напрашивается сам собой: в человеке, его несовершенстве. Вторая причина – в системе социальных отношений, в проблеме нравственности в широком смысле слова. И третья – в кризисе рациональности, не способной решить проблемы, которые создаются самой рациональностью. Нужна философия, основанная на новых приоритетах, новых ценностях, философия антропокосмизма, философия ноосферного мировоззрения (В. Сагатовский).

Сужение сферы возможностей реализации создаёт ситуацию, в которой агрессивность становится постоянной характеристикой поведения, перерастает в деструктивную активность. Наличие социальной несправедливости формирует установку на насилие как единственное средство разрешения трудностей и социальных противоречий. Причём насилие существует в самых различных формах, внешних и межличностных. Образование, наука, организованная религия, пропаганда, политика, идеология и др. потерпели неудачу: по существу, человек, как и тысячи лет назад, остаётся воюющим, жадным, ненасытным, завистливым, полным насилия, отягощённым великой скорбью.

Насилие порождает террор и как форму реализации насилия, и как его следствие. Использование насилия как средства решения политических или других социальных проблем всегда связано с деструктивными последствиями: гибелью людей, разрушением материальных ценностей, ограничением свобод, крушением духовных ценностей.

Однако история человечества – это бесконечная цепь насилия. Террор – одна из форм насилия – имеет свою специфику. Террор всегда связан с возбуждением у людей страха, паники, ужаса. Часто выступает как реакция на уже сложившееся в обществе насилие или несправедливое решение социально-политических, экономических, национальных, религиозных и других проблем.

Террор может быть массовым, индивидуальным, стихийным и организованным, отличается разной степенью жестокости и своей направленностью. В современном обществе терроризм приобретает широкий размах и разные формы. Но каким бы он ни был, основу его, идейное содержание составляет философия отрицания сложившихся правовых, нравственных, культурологических норм и ценностей. Человек не только идеалист, он и прагматик, и рационалист. Среди террористов есть и те, и другие, и третьи. Террорист и отличается от любого другого противника, однако он умеет превратить страх, ужас и пессимизм соперника в своих союзников. Однако нельзя постоянно видеть в террористах только фанатиков, приносящих себя в жертву ради великой цели. Да, в его руках всё становится оружием, порождающим ужас. Деструкция заключена в логике и алгоритме террора, когда бессильная общность ищет свою силу, порождая при этом неуверенность, ужас и всеобщее смятение, которая причиняет больше психоэмоционального и социокультурного вреда, чем сам террористический акт.

Время, эпохи вносят свои коррективы в формы и содержание терроризма. Если при централизованной власти монарха терроризм имел целью уничтожение опор власти – царя или его сановников, например, в прошлой России, то демократизация общества породила массовый террор, в котором гибнут ни в чём не повинные люди. Причина здесь в стремлении через народ оказать

давление на власть, к тому же изменился в период демократической власти взгляд на саму ценность человека, она превратилась в пустой звук. Пока существует государственный террор, будет существовать и терроризм в разных обликах. Всякая ломка, перестройка общественных отношений, не говоря уже о революциях, приводит к изменению соотношения интересов различных социальных групп, это вызывает всплеск насилия и террора как способа борьбы за интересы. В этой борьбе им нельзя обойтись без дефиниции, без содержания «деструктивная активность».

Социальный вид активности отличается от природной тем, что характеризуется стремлением вещи к обладанию, навязыванием ей своей формы, т.е. разрушением вещи. Ведь в неживой природе неумолимо действует закон роста энтропии. Потому слово «активизм» предпочтительнее употреблять в негативно-ущербном смысле.

Насилие следует отличать, с одной стороны, от инстинктивных природных свойств человека: агрессивности, воинственности, плотоядности, а с другой стороны, от других форм принуждения в обществе, в частности, патерналистского и правового. Объекты неживой природы, все организмы, начиная с простейших, обладают активностью разных форм, от простых реактивных действий до целесообразных, приспособленческих действий. В самой природе заложен механизм деструктивной активности, ведущий к разным формам разрушения. От простого естественного распада до насильственного действия, направленного на обладание другими предметами при сохранении и усложнении своей структуры. Природная активность несёт в себе разрушение. Иное дело – человеческое общество, в котором сформировавшаяся в живой природе пусть даже социальная активность приобретает новые, более разнообразные формы.

Агрессивность живых систем есть их готовность к деструктивным действиям, когда накопленная энергия выбрасывается в определённом направлении на какие-то раздражители. Здесь формируется механизм избирательного действия, который заявляет о себе не только спонтанно, но и периодически. Человек, какой бы степенью разумности он ни обладал, остаётся, повторимся, природным существом, подчиняется её законам. Даже это обстоятельство является основанием считать агрессивность человека врождённой, основанной на проявлении инстинктов. Фрейд усматривает источник человеческой агрессивности в перенесении индивидом энергии примитивного влечения к смерти с самого себя на внешние объекты.

Этолог Конрад Лоренц тоже, в свою очередь, рассматривает агрессию как адаптивное поведение животных, в основе которого лежат инстинкты. Он приходит к выводу, что у человека нет врождённых механизмов торможения инстинктов, так как они сделают нас незащитными в борьбе за существование. Но это вызывает сейчас и серьёзные опасения за судьбу человечества в будущем, так как «...внутривидовая агрессия, по словам К. Лоренца, – это наиболее серьёзная опасность, грозящая человечеству» [4].

Используя философско-термодинамическую версию, можно оправдать и некогда агрессивные племена, например, кавказских горцев, «сбрасывавших энергию» при набегах (этнокультурный феномен, называемый «наездничеством») на соседние и дальние сообщества; этот же «избыток» междоусобной хищнической энергии есть показатель, некий коэффициент запаса жизнеспособности самой этнической общности как системы. Периодическое «сбрасывание» гуманисты воспринимают как факты социального и этнического насилия.

В сущности, отрицать биологические, генетические и биохимические

факторы агрессии не следует. Но человек – не столько природное существо, сколько социальное. Последнее качество человека, в свою очередь, может как тормозить, так и усиливать деструктивную агрессивность и её начальную форму – агрессию. Исследованиями Альберта Бандуры доказано, что агрессия усиливается социальными факторами: агрессивным поведением в семье, субкультуре и средствами массовой информации. Наблюдение насилия по телевидению ведёт к усилению агрессивности, повышению порога чувствительности зрителей к насилию, формируются деструктивные взгляды на социальную реальность. Современная массовая культура в целом носит агрессивный характер, она разрушает целостное мировоззрение людей, формирует в сознании мозаичные картинки бытия, так называемую мозаичную культуру, культуру идейного разобщения, призванную разбудить у человека инстинкты, его агрессивность [5; 97]. Это направление отражения общественного сознания представляет особую опасность для юношества, молодёжи.

Подытоживая вышесказанное, следует отметить, что социальная активность отличается от природной тем, что она проявляется между субъектами, носит общественный характер; в ней чётко выражены целеполагающие моменты. Она ориентирована на других, осуществляется не только во вне, как природная, но и вовнутрь, что способствует выработке различных табу, ограничений, формированию нравственности. Всякое разрушение нравственности порождает произвол, даёт простор деструктивной активности. Это при всём том, что хотя свобода и имманентна человеку, первоначально ему всё же дан опыт произвола, разрушения.

По мере своего развития человечество вырабатывает новые формы регулирования своего поведения. Возникновение права изначально,

а также ныне, связано с закреплением в законодательной форме сложившегося в обществе неравенства между людьми. Многие и сейчас воспринимают справедливость как равенство перед законом. Однако это будет допустимо, если бытие людей монистично, т.е. однообразно, что было характерно для ранних стадий развития человечества. Но со временем плюрализм бытия всё больше даёт о себе знать, и не только в форме различия культур проживающих народов, но и внутри одной культуры. Право не решает всех проблем, узаконивая неравенство. Всегда возникает стремление людей, поставленных в силу разных причин на низкую лестницу социальной стратификации, разрушить установившийся порядок, иерархию [2]. Порядок, традиционно, – это руководство и праздники, это

знакомый политический стиль государства с всевластными правителями наверху и исполнителями внизу, это притязание режима на тотальную регламентацию духовной, культурной, иной сферы жизни.

Известно, что каждый мыслитель по-своему пытается рассмотреть как созидательную, так и разрушительную силу человеческой деятельности. При этом существенным моментом при совершении поступка следует отметить проявление личной воли человека (речь не о сплошь доброй воле или сплошь абсолютно злой воле). Однако при этом не следует забывать о насилии, которое подавляет или принудительно ограничивает свободу воли, оно обусловлено действиями социальных сил, стремящихся к власти, определяющих тот или иной социополитический идеал.

Примечания:

1. Гожев К.М. Кавказ и Русь: сопряжение цивилизаций и культур. Наездничество и война как факторы этносоциального насилия. СПб., 2009. 602 с.
2. Гожев К.М. Бинарная оппозиция «порядок-хаос» в предметном поле транзитологии. СПб. Карачаевск, 2009. 324 с.
3. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М., 2000. С. 299.
4. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М., 1994. 214 с.
5. Бибикина О.П. «Ваххабизм» в СНГ // Ислам и политика. М., 2001.

References:

1. Gozhev K.M. The Caucasus and Russia: connection of civilizations and cultures. Horsemanship and war as factors of ethnosocial violence. SPb., 2009. 602 pp.
2. Gozhev K.M. The binary opposition of “order-chaos” in the subject field of transitology. SPb. Karachaevsk, 2009. 324 pp.
3. Fromm E. Greatness and limitations of Freud’s thoughts. M., 2000. P. 299.
4. Lorenz K. On aggression (the so-called evil). M., 1994. 214 pp.
5. Bibikova O.P. “Wahhabism” in the CIS // Islam and politics. M., 2001.